ЖИЗНЬ И ФОРМЫ ЖИЗНИ.

Есть ведь такой научный термин: "Форма жизни". Так вот, и в тюрьме встречаются разные формы жизни. Каждый пытается как-то упорядочить окружающую его действительность, выстроить свой быт. Часто это приобретает забавные формы. Разные самодельные подставки под кружки, рамочки под фото близких, баночки и контейнеры для всяких мелочей. Администрация же колонии периодически это забирает или ломает. Мол, не положено по тюремным правилам, а то, что до этого разрешала что- то молчаливо, так это не в счёт. Это отличный, и пожалуй главный инструмент управления людьми, толпой, зэками…… да и народами всей планеты. Неправда-ли? В тюрьме это так наглядно видно. Правила управления зэками преподают в УФСИН. Зэки и «понятия». Это как народ и религия. «Понятия» - это как свод религиозных правил. Очень часто они не разумны, жестоки, и давно устарели настолько, что по ним не хочется, да и не удобно жить. Но в религиозной, как и в лагерной среде все делают вид, что их рьяно соблюдают. Безусловно есть фанатики. Никто не борется с тюремной иерархией, «понятиями», каставостью заключенных. А иначе как управлять? Иначе анархия. Да иначе и не бывает. Во все времена человек выстраивал себе вертикаль. И лишь светлейшие умы пришли к идеалам свободы. Но тюрьма- это концентрат неволи. Где главная цель тех, кто тебя держит там, это загнать тебя в рамки, правила. Либо напрямую: «мол, неположено! Нарушение пункта ПВР!». Ну, а чаще всего, косвенно. Через внутрилагерную политику колонии. «Чёрный лагерь или красный?» - узнают про колонию зэки. «Красный лагерь»- значит администрация давит на народ правилами из ПВР, что бы держать в узде, но и сами от этого устают сильно, бюрократии много, работать же надо, им это не нравится. «Чёрный лагерь»- значит управляют зэками хитрее. Тут уже не каждый начальник справится. Но если сможет, то будет меньше отвлекаться на бюрократическую ерунду. И уже служба всё больше будет похожа на бизнес. Начальники «чёрных» лагерей - вот кого нужно при выходе на пенсию звать в дипломаты. Ведь нужно им свой «бизнес» защитить от внешних угроз, от разного рода проверяющих из управлений, показав им как в колонии всё по законным правилам, и в тоже время от внутренних проблем отделаться нужно. И по этому часто внутренние проблемы отдают на «аутсорсинг» харизматичным людям в коллективе, к которым прислушивается основная масса зэков. «Смотрящим» (по устаревшим понятиям «блатной»), если он, якобы, чтит понятия. Или «Красным» (по старому «козлам») тем из авторитетов, кто, по крайней мере, честен с собой и окружающими, и говорит на прямую, что вся власть у него от администрации, и он выполняет напрямую её волю за свой определённый интерес в виде досрочного освобождения и определённых благ. Благодаря этому, управлять по принципу «кнут и пряник» нужно не всей колонией, что утомительно, а лишь десятком авторитетов, а там уж в бараках они сами. Но так уж сложилось, что в дипломатии, взаимодействии с массами людей, сложно выдержать чёткую категоричность, всегда есть варианты. «Черная колония или красная?» сейчас в России всё сложнее ответить на этот вопрос о большинстве колоний. Ведь в любом случае везде управляет администрация колонии, просто стили управления часто смешанные в разных пропорциях от случая к случаю.

И вот уже от этих стилий управления зависит то пространство вариантов ситуаций, в которые ты попадёшь в тюрьме. А ситуаций будет много.

МЕЖДУ КРАСНЫМ И ЧЁРНЫМ.

Попав в тюрьму я осознавал, что меня посадили туда, за музыкальный клип Раммштайн, не для того, что бы выпустить досрочно. И поэтому мне нет никакого смысла рьяно выполнять

тюремные правила, напыщенно показывая администрации какой я «хороший мальчик». Но и «понятия», с их пафосными «кодексами чести», меня отталкивали своим лицемерием и жестокостью. В тоже время я осознавал, что в России тюремная жизнь незаслуженно вызывает интерес, а иногда и служит поводом для оценки человека, исходя из лекал тюремных «понятий». И мне крайне не хотелось бы что-то объяснять и доказывать человеку, зачастую маргинальному, который либо потерял свой разум в неволе, либо и не имел его никогда, да и о тюрьме знает только из кино, ну и может бравады знаковых, таких же маргиналов как он, которые когда-то «чалились». Поэтому моими «понятиями» стала цель сохранить достоинство и не стать покорным для администрации колонии. В тоже время я не хотел корчить из себя того, кем я не являюсь – каррикатурного зэка из кино. А уж их то я там насмотрелся из вчерашних обычных ребят, которые жили как обычные люди.

Прибыв в лагерь я был готов к максимальному давлению от администрации. В первые дни получив взыскание за то, что я сидел в майке, а должен был быть во всей робе, я понял, что был прав и вот… началось. Но нет, ко мне администрация подходила настороженно, я не наглел, лишь изредка прощупывал границы дозволенного. По бюрократическим причинам уклонялся от работы, занимался всецело построением своего по тюремным меркам, комфортного быта. Окружающим меня заключённым я ни то что бы сильно нравился, потому что я не скрывал своего эгоизма. Быть честным в этом с окружающими мне нравилось. Коллектив меня ценил за то, что, исходя из моей личности, мне нет никакого смысла «стучать» администрации. Да и мои политические убеждения, репутация на воле, мне это не позволяли делать. А это огромный плюс к личности, ведь осведомителей оперативников огромное количество, и крайне редко их удаётся раскрыть.

РУТИНА В ТЮРЕМНОЙ ПУЧИНЕ.

И вот, пока я налаживал свой быт, читал и отвечал на огромное количество писем, вокруг меня происходили разные ситуации. Занимательные, а иногда и жестокие. Люди играли в азартные игры (чаще всего нарды и карты). Кто-то проигрывал приличные суммы, которые, чаще всего, ему приходилось клянчить у родни на воле. Выигрывший, конечно, должен был «уделить» часть, «налогообложение» внутри микроскопического тюремного государства. Ну, а если проигравший не мог заплатить в установленный срок, то ему присваивали статус «фуфлыжник». Это не то что бы представление к званию, это не объявляют при импровизированном общем собрании. Это просто из уст в уста передаётся. Пространства в тюрьме маленькие, все от всех на расстоянии меньше 500 метров. Но исходя из общепринятых внегласных «понятий» этот человек становился менее достойным. «Фуфлыжник» это определённое пятно на личности человека. Часто эти люди становились слугами - «шнырями». Когда разными методами, очень редко с применением физического насилия, из проигравшего вытягивали долг по игре, иногда находился тот, кому для поднятия своего эго был необходим слуга. И он оплачивал долг проигравшего в обмен на его работу. Такое вот рабовладение. Часто шныри неплохо едят, так как находятся в служении у хорошо живущих зэков, но они уже не считаются порядочными арестантами, ведь на их чести уже это пятно, а чаще ещё и не одно. Преступники- это определённый склад людей, кто привык нарушать установленные правила. И если нельзя наркотики, алкоголь, секс, а очень хочется, то значит нужно придумать как обойти этот запрет. Доводилось мне наблюдать употребление разных наркотиков. От безобидной марихуаны до героина. И брагу ставили и самогон из неё варили. Люди постоянно в состоянии стресса, годами. Ведь каждый ежедневно себя, как розгами стегает мыслями и сожалениями о том что попал в тюрьму, а если ещё и новости с воли плохие, если в семье что то плохо, то эти «розги» становятся невыносимыми от беспомощности что-то изменить. Хочется забыться,

отвлечься, сбросить эту ношу, обмануть сознание мыслями, что всё хорошо. И вот, пройдя разными хитрыми путями, зэку удаётся «вмазаться», «бухнуть», «курнуть». Но ведь как устроено человеческое сознание, нигатив выходит в этом состоянии, люди начинают рассказывать, много лишнего, неприемлимого с внегласным «кодексом» понятий. Многое можно интерпретировать в нужном ключе, а уж по интерпритациям в тюрьме много специалистов. Ведь, надо понимать, что ты не можешь даже в таком состоянии, побыть в одиночестве (изолятор это для некоторых, и там «кайфануть» почти невозможно), а вокруг люди, которые в большинстве своём привыкли доминированием или хитростью получать выгоду за счёт других. И вот в таких состояниях люди болтают и делают много необдуманного. Разговоры по секс, пожалуй самое опасное в тюрьме, особенно в состоянии опьянения. Всё из-за тех «понятий». Ведь есть огромное количество словесных уловок, которые в палемике могут загнать человека в угол, особенно если в момент разговора он плохо соображает. Когда я лежал в тюремной больнице, мне доводилось видеть, как на таких тюремных посиделках разговор зашёл о сексе, женщинах. Об этом вспоминается очень часто. И один молодой 19 летний паренёк начал хвалится как много у него было на воле любовниц. Все конечно понимали, что он врёт, но так как он был импульсивен было очень смешно, и ребята его подзадоривали. И тут он взболтнул про то, как он занимался со своей девушкой оральным сексом. Так как ребята в той компании подобрались не злые, после зловещей паузы и секундной тишины, они начали было поправлять его, мол, «Ты же нам это всё сейчас наврал», ну, а курнувший паренёк всё на той же волне доказывал какой он «герой-любовник». Вечеринка была сразу закончена. Дело в том, что по «понятиям» оральный секс принято считать равносильно пассивному мужеложеству. А такой гомосексуализм, хоть даже разовый – автоматически определяет такого зэка в самую презренную касту в тюрьме. Это неприкасаемая каста. С ними нельзя есть из общей посуды. Им нельзя дотрагиваться до твоей еды, обмениваться с другими сигаретами. Почти всё у них отдельно. Эти люди- так называемые «петухи». Они выполняют самую грязную и тяжёлую работу. Соответственно если зная о том, что человек «петух» ты в отношении с ним нарушаешь все эти правила, то и сам становишься «петухом». Поэтому ребята в той компании встали и ушли по своим местам, что-бы сберечь свой статус. И лишь на утро, когда тот бедолага пришёл в себя, перевели его в другую палату больницы, которая была для «петухов». Такое их поведение в окружении посчитали верхом доброты. Часто при таких «оговорках» человека избивают. Печально было смотреть на того парня, который до этого был душой компании. Среди «петухов» единицы именно гомосексуалистов. Чаще всего туда попадают либо по таким вот оговоркам когда-то очень давно, либо после изнасилований, которые в основном происходят в подростковых колониях. Увы, в детских колониях, много неуправляемости, или «беспредела». Многим действительно жаль этих людей, но свой статус дороже. Так сложилось, что в разговоре говорить «петухи», чаще всего считается дурным тоном, поэтому чаще всего говорят «обиженные». И поэтому сказать сокамернику: «Ты что сегодня такой обиженный?» - это жёсткое прямое оскорбление. Поэтому азартные игры наркотики и алкоголь в тюрьме создают очень много ситуаций, которые могут очень плохо отразиться на твоём статусе в этом обществе. И лишь сознательные люди могут этим пользоваться без последствий. Опять же, сознательных людей в тюрьме не так много, иначе большинство бы туда не попало. Про «петухов» в тюрьме существует огромное количество шуток. Особенно про истории, когда нужда, азартная игра или излишняя болтливость меняла статус «порядочного арестанта» на «петуха». Эти шутки мне омерзительны как и всё тюремное. Могу привести тут, пожалуй только одну, не такую пошлую и самую часто цитируемую там: «Жопа есть – фуфла не будет». Ну, а в переводе: если не будет денег расплатиться по игровому долгу, то заплатишь пассивным анальным сексом и станешь «петухом». Вот такой вот юмор. На самом деле в масс медиа про тюрьму очень сильно закрепилось, что там

только и делают, что кого-то трахают. По правде говоря такое происходит крайне редко. И по обоюдному согласию. Притом порицается только пассивный гомосексуализм. Вот такой идиотизм. Изнасилование «петуха» считается вопиющим отступлением от статуса «порядочного арестанта». И такой человек хоть и останется в своей касте, но это будет огромное пятно на его репутации. Изнасилование любого другого из арестантов, избиение по заказу администрации колонии, доносительство на заключённых, делает такого зэка изгоем - таких называют «шерсть». А вот всяческое глумление и избиение «шерстяных» приветствуется. Мол, поделом им. Это признак хорошего тона для порядочного арестанта. Но так как избиения, тем более убийства очень не нужны администрации колонии, так как портят им статистику, а значит и заработок, то таких обычно сразу же изолируют в «БМ» (безопасное место), чаще всего помещение изолятора, но бывают и варианты. Бывает что в колонии практикуют пытки к неугодным. Тогда роль палачей выполняет «шерсть» , так как они всецело зависят от защиты администрации колонии, и терять им уже всё равно нечего. А ещё от администрации ведь зависят «козлы», ведь они сотрудничают, часто даже не «стучат» (не доносительствуют), а просто занимают рабочие места, которые традиционно считаются «козлячими». Это завхозы, бригадиры, дневальные и т.п. Ну, как уже ясно, это разные зависимости. Хоть про «красных» и говорят со злобой, чаще не в глаза: «Ух, шерсть козлячая!». Ну и самая массовая каста, базисная, к которой и я принадлежал, это «Мужики». Базисная это потому что по прибытии впервые в жизни в тюрьму, если в твоём прошлом не выявили явных нарушений свода «понятий», то ты считаешься «мужиком». А дальше как уж тебя судьба арестантская заведёт. Суть в том, что нельзя поменять обратно свою «масть» (касту). Нельзя из «козлов», «петухов», «шнырей», «фуфлыжников», «шерсти» вернуться в «мужики», ну а униженным кастам хоть куда-нибудь повыше. Нельзя получить «амнистию» или передумать. Исключение пожалуй есть. Можно «блатному» стать опять «мужиком», мол разочаровался и т.п. По возможности, в зависимости от личности, над таким человеком могут иногда зло шутить, мол «переобулся». Но в целом принимают обратно очень хорошо, так как даже «переобувшиеся блатные», часто сильные личности. Я много таких повстречал. С возрастом люди начинают искать спокойствие, и образ жизни «блатного» многие не тянут. Вся это каставость тянется за человеком, если он попадает, и на следующий срок. Так как люди часто сидят одни и те же. А сейчас ещё и закон приняли, что арестант должен сидеть в том регионе, где он прописан на воле. Так что все земляки, за редким исключением.

КАК БЫ ТАК РАБОТАТЬ, ЧТО-БЫ НЕ РАБОТАТЬ?

Так вот вникая в окружающую меня действительность. Я и провёл первый год из назначенных мне 2 лет заключения. Основное время заключённого-это отупляющая рутина. И это ещё у меня были выезды в СИЗО и тюремную больницу. Если не хочешь превратиться в «биомеханизм» по переработке баланды в кал, то выбираешь себе деятельность. В моём случае это была физкультура, для мышц, которые в тюрьме всегда в почёте и в случае чего помогут набить морду нападающему. К счастью в бою я их так и не применил. Книги и письма для мозга, что бы моё сознание было в ладу с моей личностью. Душевное здоровье очень хрупкое. Примеров и видов отклонений, вызванных стрессом, я увидел и прочувствовал множество. И вот, за год до освобождения началось. У меня закончились поводы и возможности увиливать от работы. А за отказ от работы- изолятор (ШИЗО). И вот, играя в волейбол, в первое солнечное воскресенье сентября, я подумал, что за год отсидки я отлично устроился, по тюремным меркам. И, увы, надо что-то придумывать с работой, потому что на следующий день мне нужно выходить в швейный цех на территории колонии. Рабский труд я ненавижу всем нутром. А за этот труд, как и за

большинство работ, зарплата 750 рублей в месяц. 8 часовой рабочий день, 5 дней в неделю. Юристы колонии мастерски обходили трудовое законодательство так, что всё было в соответствии с законом, кроме фактических денег на счету зэка. Лишь единицы получали 10 тысяч рублей в месяц и чуть больше. Но они напоминали киборгов. Опять же кто-то так забывался от окружающей его действительности. Но я так не хотел. И вот удача сама ко мне пришла. Буба, мой напарник по волейболу, прямо в этот день легкой моей печали подошёл ко мне с предложением работать с ним в цехе раскройки. Аргументируя это тем, что цех это закрытое относительно небольшое помещение, где их работает всего 3 человека и один на днях освободился. Мол, менты могут им поставить какого-нибудь «стукача», а может и просто неприятный человек попадётся. А меня он знает по моему обширному литературному вкусу, а он сам человек читающий, что уже вызывает интерес. А самое главное, он подозревает, что уж я точно не «стукач», а он любит в цехе ставить брагу. Его предложение было настолько своевременное, что тут уже в его личности стал сомневаться я. И заподозрил уж было какой-то хитрый ход в отношении меня от администрации колонии. Уж больно легко он договорился что бы именно меня поставили работать в цех раскроя. Но обошлось, а подозрительность в тюрьме- это полезное качество. Саня и Буба занимались раскроем. Работы в цехе было немного. Там я много читал и отвечал на письма, занимался спортом иногда даже спал. Буба занимался своими «мутными» делами в которые я не вникал по условиям нашего негласного договора. Мы взаимно убеждались в том, что сделали правильный выбор в отношении друг друга. Это нас даже как-то сблизило. Слово друг, за решёткой не любят использовать, зная что в тюремных условиях, и с такими людьми как мы, дружба почти невозможна. Говорят «кореша», это что-то типа близкий приятель по интересам. С которым вы оказываете обоюдно особое уважение. Так вот и пролетели 3 месяца. Я даже получил официальную благодарность от администрации за добросовестный труд. Мне было очень смешно. Частенько я заходил в цех, где мы втроём работали и с надменным видом громко говорил: «Да я «стахановец»! Вечный!» (мем из фильма «Калина красная»), что вызывало у ребят дикий вопль смеха. Скоро мне стало не до смеха.

«НА ПУТИ ПОД КРЫШУ».

Как я уже упоминал ранее, администрацию колонии в целом моя личность напрягала ни так сильно, как они могли подумать в момент монго прибытия. Если я что-то и говорил журналистам, с кем получалось связываться через адвокатов, либо родных по лагерному таксофону (с прослушиваемыми и разрешёнными администрацией номерами), то про колонию в которой был я плохого не говорил, да и вообще проблем и них от меня не было. Но тут, как мне дошли слухи, руководству пришло указание из вышестоящих инстанций дать мне «надзор» по освобождению. Это типа особого контроля со стороны полиции в течении нескольких лет. Честно говоря я сразу рассчитывал, что на это будут предприняты действия. Но первая половина моего срока сбила меня с толку. И вот, как- то ночью я пошёл попить воды в комнату приёма пищи. Есть такое отдельное помещение в бараке. Мне не спалось. А там один бригадир, с которым я хорошо общался, рассказывал уморительную историю как он под наркотиками занимался сексом со своей такой же обдолбанной подружкой. И всё это с такими смачными подробностями, что ребята аж подвывали, вздыхая повторяя: «скорее-бы освободиться» и клятвенно обещая трахнуть каждый свою красотку так, что она от удовольствия и изнеможения на карачках уползет домой. Конечно всё это сопровождалась смехом и хорошим настроением. Мы посидели часок, ну а потом разошлись по кроватям. А утром меня вызвали «на комиссию» и я понял, что слухи подтвердились, и началось. Мне сказали, что я нарушил определённое правило

содержания (ПВР), так как нельзя после отбоя в бараке покидать спальное место кроме как в туалет. Съёмки камер слежения подтвержают где я был, и т.п. . И вот, так как я такой «опасный» и плохой, мне в наказание дают 10 суток штрафного изолятора (ШИЗО). Как выглядит российское ШИЗО теперь в Европе хорошо знают, так как даже выставки проводят. Это уже совершенно отдельная история. С множеством душевных и физических испытаний.